

Михаил Успенский

Богатыристика Кости Жихарева

*...Если вы читаете эти строки,
значит, вы вообще умеете читать.
Поздравляю.
Вы в элитарном клубе.*

*Автор считает своим долгом
предупредить, что за все
псевдоисторические рассуждения и
сомнительные гипотезы в данном
тексте никакой ответственности
не несет, потому что только этого
ему еще и не хватало!*

По приговору семейного совета

Недавним-недавно, а прямо в наше время, жил в городе Кислорецке, что стоит на речке Кислице, один мальчик. Звали его Костя Жихарев.

Это был очень хороший мальчик. По всем статьям.

Например, он никогда не дрался. Нельзя ему было драться. Даже в шутку бороться с друзьями было нельзя. Медицина запретила — врачи-травматологи.

Потому что замучились они лечить Костиных

приятелей, вставляя им на место руки-ноги после веселой ребячьей возни на школьном дворе.

Костя даже просто побегать на перемене, как все добрые люди, не мог. От его беготни стены ходили ходуном, стекла звенели, половицы проваливались, а школьный охранник Ухарев прятался под стол, хоть и прошел три горячие точки.

А, может быть, именно поэтому и прятался — великое дело боевой опыт!

Выскакивал тогда из своего кабинета старенький директор Мирон Ароныч и кричал:

— Жихарев! Не резвись! Эту школу сделали еще раньше меня! Она же поломается! Где мы тогда будем учиться?

— Я как бы не буду! — обещал могучий ребеночек.

Учился Костя неплохо, но не по своей вине. Просто учителя задавали ему вопросы особым образом — так, чтобы мальчик не мог не ответить.

Например, спрашивала физичка:

— Кто да кто открыли закон расширения газов?

— Как бы Бойль да Мариотт! — бодро вспоминал Костя, так как другой пары ученых в учебнике не было.

А преподаватель истории шел еще дальше:

— Костя, уж не Куликовская ли битва

состоялась в 1381 году?

— Сто пудов! — подтверждал Костя.

Физрук, он же тренер Агапыч, вообще никаких вопросов не задавал, а только радовался, что Костя — его воспитанник.

Ведь был Костя Жихарев местной знаменитостью.

Костя мог намотать на руку колючий корабельный трос и удержать на месте прогулочный теплоход «Кот Матроскин» вместе с веселыми пассажирами и хмурым капитаном. И даже подтянуть судно к себе.

Костя мог протащить на канате по взлетной полосе самолет «Як-40» — для солидных авиалайнеров мальчик был еще маловат.

Костя жонглировал пудовыми гирями, завязывал узлом гриф от штанги и с особым удовольствием рвал пополам самые толстые и ученые книги, словно для этого и созданные.

Вот только подковы не гнул — где нынче найдешь подкову на счастье? А ведь какая добрая примета была!

Все горожане радовались и гордились Костиными достижениями, только батюшка его, Иван Егорович, ворчал:

— В цирк, что ли, готовишься? Мы, Жихаревы, спокон веку мужики здоровые, а вот клоунов у нас не водилось!

Иван Егорович называл клоунами всех цирковых артистов, включая слонов и собачек.

А про Костю даже статья в центральной газете была — «Юный Илья Муромец из Кислорецка».

Журналист был таким же невеждой, как его герой: ведь Илья Муромец в Костином возрасте еще сидел сиднем на печи, не высидев пока и половины своих тридцати лет полного бездействия. Но сравнение со славным Ильей глубоко запало в детскую душу...

Раза два показали Костю и по телевизору. В одном сюжете он гнал пинками по рельсам старый паровоз, в другом — удерживал на месте два пытавшихся разъехаться «КамАЗа»... Это называлось «силовой экстрим», вот как!

Когда братья поступили в военное училище, у Кости появилась своя комната. Ее украшали разные грамоты, дипломы и кубки.

А самую любимую и почетную награду получил Жихарев на соревнованиях по экстремальному армрестлингу. Это когда на руках борются. Так вот, в финале соперником Кости был ковш небольшого экскаватора. Ковш не выдержал и проиграл.

И тогда почетный гость, знаменитый швейцарский силач Рудольф Штукеншнайдер, снял с руки часы и подарил победителю.

Часы были, разумеется, тоже швейцарские и

очень эксклюзивные. Всемирно известной фирмы «Жан-Жак Вальжан». Механические, спортивная модель. С хронометром, тонометром и шагомером. Красота! Можно и достижение зафиксировать, и кровяное давление узнать, и расстояние определить.

— Это хорошо, что механические, — сказал Иван Егорович. — Когда их надо каждый день заводить — оно дисциплинирует.

Казалось бы — чего еще от мальчика требовать?

А вот чего. Силы у Кости было немерено, только с характером... Честно говоря, не было у него никакого характера. К несчастью. Так уж получилось, что на маленького Костю у родителей времени не хватало. Слишком трудные вышли годы. Сперва за старшими сыновьями нужен был глаз да глаз. А потом Светланушка родилась. Костя же угодил в зазор между братьями и сестрой.

Папа с мамой думали: мальчик растет здоровый? Очень даже здоровый. Кирпичом не прибить. Чего ж еще надо? Вот и не заметили, что вырос Костя хоть и сильный, но весь какой-то... подчиняемый.

Скажут ему ребята во дворе:

— Костян, а слабо тебе этот синий «Вольво» перевернуть?

Он и перевернет, потому что не слабо. Но дворовые ребята это еще ничего. Может и похуже

быть:

— Костян, а слабо тебе этот киоск с места своротить?

И потом разбегаются с даровым мороженым...

...Кислорецк — город маленький и бедный, а бандитов в нем — много и жадные. Да еще и злые — оттого, что все хорошее успели расхватать до них нынешние честные люди.

Для бедных бандюков и одни-единственные швейцарские часики у ребенка отобрать — все равно что ограбить «Чейз Манхэттен Банк».

Попробовали один раз — за школой. Всемером. Три кареты «Скорой помощи» пришлось вызывать, так много векселей выписал им ребеночек-то!

Попробовали в другой раз, в парке имени Трех Поколений. Санитарных машин не хватило, многие своим ходом до больницы ковыляли.

Бандиты Пыпа, Дрон и братья Бруски из ОПГ «Мыльный завод» в конце концов сообразили, что за сокровище проживает рядом. И поняли, что в этом молодом организме мышечная ткань сильно подавляет мозговые клетки. Ладно, с часами обломились, зато... Да это же мечта!

Бандиты, они ведь тоже мечтают. Например, о том, как сделать из хорошего мальчика реального пацана-подельника.

— Прикинь, братаны! Какой исполнительный этот Костя Жихарев! Что ни попроси — то и сделает!

— Отпадный качок! Если он на разборке зашибет кого насмерть, так и отвечать не будет по малолетке!

— Он любой сейф из банка вытащит!

— Он инкассаторскую машину запросто перевернет!

— Он в боях без правил всех порвет!

Вот как изобретательны и коварны были кислорецкие бандиты Пыпа, Дрон и братья Бруски.

А добраться до Кости им было легче легкого.

Костя все свое свободное время проводил на тренировках — улучшал форму. Спортзалы, качалки, стадион...

Известно ведь — у нас где спорт, там и криминал неподалеку круги описывает. Потому что тянутся бандюганы к физическому совершенству. Оно им ломать и жить помогает. Кто бьет рекорды, а кто людям морды. Вот так наша жизнь устроена. Хвалиться этим глупо, а скрывать — и того глупее.

И вот приходят бандиты в спортзал, восхищаются Костиными показателями, хлопают его по плечу, хвалят, угощают шоколадом, говорят, что Костя по жизни далеко пойдет — а если они, бандиты, помогут, то и еще дальше. Разворачивают перед мальчиком глянцевые журналы с

перспективой — особняки, иномарки, яхты, фотомодели. Хором исполняют печальную песню про Владимирский централ — ветер северный. Для романтики. Обещают по знакомству пропихнуть Костю в Книгу рекордов Гиннеса. А главное — разговаривают, как со взрослым!

Сколько, говорят, ты еще будешь папку с мамкой слушать? Ты правильный пацан или ты лошара позорная? Вот получишь паспорт, тогда...

И даже такое закидывают:

— Костя, хочешь настоящим героем стать?

— Сто пудов!

— Так мы тебе это устроим. Есть даже специальное лекарство, оно так и называется — героин...

— Так это же отрава!

— Совсем не отрава. Плохую вещь героином не назовут!

К сожалению, нет такого спортзала, чтобы накачать там твердый и негибачаемый характер. И послать негодяев прочь, чтобы кувыркались по дороге. Так нет, Костя даже криминальные словечки у них перенимал — ему казалось, что так будет солиднее.

Если бы у Кости была обыкновенная семья, то беды не миновать — много таких крепких русских парнишек пропали по тюрьмам, по лагерям!

Но семья Жихаревых — это очень суровая

семья.

Батюшка его Иван Егорович был генерал в отставке. Да такой крутой, что его даже бандиты сильно побаивались:

— Он же раньше генералом был! Застрелит и глазом не моргнет, несмотря что в отставке! А полковой писарь ему еще справку напишет, что правильно убил...

Что взять с бандитов: они в армии не служили, порядков не знают...

А Иван Егорович был настоящий боевой генерал. Но какой-то странный: другие генералы солдат своих заставляли всякую домашнюю работу делать да домики себе строить, а этот учил воевать — с настоящими патронами и поправдашними снарядами.

Другие полководцы над ним смеялись:

— Вот чудак! Воевать собрался! Интересно, с кем, какой болван на нас нападет? Мы же сто лет никому не нужны!

Смеяться смеялись, а из вооруженных сил-то выжили: не любит нынешняя армия чудаков.

Только даже самый крутой генерал не будет сына водить на поводке! Или сажать под домашний арест!

А матушка все время занята на работе. А у старших братьев скоро экзамены в военное училище. А сестренка вообще маленькая, хоть и

самостоятельная. И все они с характером. В отличие от бедного Кости.

Между тем на дворе лето. Каникулы. Начнет ребенок от безделья маяться — тут и набегут новые дружки!

За рубеж дитя не отправишь — денег не хватит. В здешний летний спортивный лагерь ехать бессмысленно. Там те же бандюки будут верховодить.

Хотел Иван Егорович устроить сына в геологическую экспедицию сезонным рабочим — землю копать, тяжелые рюкзаки таскать по тайге.

Всем была бы польза — и Косте, и науке, и отечеству, и даже таежным комарам-кровопийцам кое-что перепало бы.

Но оказалось, что по закону нельзя, мальчик еще маленький. Нынешним школьникам даже пол в классе вымыть невозможно, потому что это получается эксплуатация детского труда.

И собралась семья Жихаревых на совет. Батюшка Иван Егорович, матушка Анна Яковлевна, братья Федор и Сергей, сестрица Светланушка. А самого Костю отправили в досадный угол — ожидать своей участи. Слово он любимую вазу разбил или плохое слово при родителях сказал!

Советовались долго, но молча — так уж было заведено в этой удивительной семье.

А семья выходила по всем статьям

удивительная.

Например, в углу гостиной у них стоял гранитный столбик с человеческим лицом. Столбик назывался «каменной бабой». Баба была очень даже мужественная — с усами, бородой и коротеньким мечом. Так что «баба» — только одно название.

— Это пращур наш, — говорил старший Жихарев детям. — Имя его неизвестно, судьба загадочна, деяния непоправимы. Истинно русский был богатырь...

Каменный болван, казалось, тоже принимал участие в совете — такое серьезное делал он лицо...

...Наконец Иван Егорович тяжело вздохнул и молвил:

— Родные мои! Нелегко далось нам это совместное решение. Были и возражения, и сомнения, и даже колебания в умах. Однако делать нечего: поедет Костя на все лето в деревню Малые Улеты к прабабушке своей Патрикее Маркидоновне. Если уж под рукой у бабани характер не обретет, я и не знаю...

Померк за окном ясный день, набежали тучи, завыл ветер, ударил град — хоть и обещали по телевизору хорошую жизнь без осадков.

Смахнул батушка рукавом непрошеную слезу. Закрыла руками лицо матушка. Сумрачно переглянулись братья Федор и Сергей. А сестрица

Светланушка не удержалась и горько зарыдала.

Но какой с нее спрос — в три-то годика!

Каторга и ссылка

...Не за тридевять земель расположена деревня Малые Улеты, но добраться до нее дано не всякому. Большое желание надо к тому иметь, ретивое сердце и крепкие ноги!

Во-первых, этой деревни уже давно нет на белом свете — по документам. Значит, нету там ни школы, ни больницы, ни магазина — словом, ничего, что положено иметь в населенном людьми пункте. Наши чиновники — те же колдуны: зачеркнут что-нибудь на бумаге и думают, что оно и впрямь исчезло!

Во-вторых, находится мнимая деревня на другом берегу речки Кислицы. Раньше Малые Улеты были соединены с остальной жизнью старым мостом, но аккурат в год миллениума мост этот был снесен паводком, да так и не восстановлен. Хотя деньги на восстановление отпускались регулярно.

И таких мест по России немало.

...Сначала Иван Егорович с Костей добрались рейсовым автобусом до села Большие Улеты.

Там сговорились с шофером молоковоза, чтобы довез их до Ерофеевой Гари.

Потом в прицепе попутного трактора доехали

с гусями до Евстигнеевой Пади.

Оттуда местный пасечник на телеге доставил путешественников к Елисейевой Жути и объявил:

— Поезд дальше не идет! Просьба освободить вагон!

Посмотрел Иван Егорович на громадный рюкзак за плечами сына и сказал:

— Вот заодно и тренировка тебе будет!

— Как бы легко! — сказал Костя и весело затопал по тропинке. Долго печалиться он не умел. Это свойство всех бесхарактерных людей.

Наконец добрались до реки, посмотрели на остатки моста, торчавшие из воды.

— Во-он там бабушка живет! — сказал отец. Потом велел Косте снять рюкзак и достал оттуда чехол с резиновой лодкой. Юный силач лодку надул всего за три выдоха. Ну ладно, вру — за четыре.

Сели в лодку, переплыли Кислицу — она в тех местах неширокая, хоть и глубокая. Лодку оставили на берегу.

— Воровать тут уже некому! — сказал Иван Егорович. — Тут порядок!

...Изба у Патрикеи Маркидоновны сложена была из таких толстых бревен, что казалась старинной крепостью, а не простым жилищем.

Прабабушка уже ждала их, стоя на крыльце. Была это высокая прямая старуха — вся в черном и

с грозными очами. Лицо у нее было длинное и узкое, но все равно напоминало известный портрет маршала Жукова. Хотелось вытянуться по стойке «смирно» и отдать последнюю честь.

— Привез? — хмуро спросила Бабаня Грозные Очи, словно не видела Костю в упор. Или хотела попенять внуку за обузу.

— Привез, бабаня, — робко сказал Иван Егорович. Никогда Костя не видел отца таким... неуверенным, что ли? А еще боевой генерал!

— Давно пора! — сказала прабабушка. — Разбаловался он, как я погляжу, у вас в городе! На стрикулиста походит! Стрикулист и есть!

— Я как бы культурист! — обиделся Костя.

— Вот я и говорю — стрикулист! — сказала Патрикья Маркидоновна. — Ничего, посидит на березовой каше, на крапивном толокне, на рыбьих пупках — вот и придет в нужную статью...

«Ничего, — думал и Костя. — Как только батя уедет — посмотрим, кто тут как бы главный. Что она мне сделает, старая такая?»

Тут хозяйка пригласила городских гостей в избу. Внутри все было самодельное — и стол, и буфет, и табуретки, и длинная лавка. Только в углу стояли комнатные часы явно старинной заморской работы. Маятник ходил туда-сюда, а вот стрелок на циферблате не было вовсе.

На часах сидела крупная мохнатая птица. Она

установилась на Костю всеми четырьмя глазами, так что он надолго разинул рот.

— Это филин Кузьма-Демьян, — сказала старуха. — Если что, он тоже за тобой присмотрит...

— А... он... как бы... это... — только и смог произнести Костя.

— Одна голова хорошо, а две лучше, — пояснила хозяйка. — Сынок, а ты свечи привез?

— Я и керосину привез, — сказал Иван Егорович. — А то Костя у нас к темноте непривычный...

— Так тут что — как бы электричества нет? — в ужасе догадался Костя.

— Никому мы не нужны, — проворчала Патрикея Маркидоновна. — Отключили нас от бытия жизни еще при Горбачеве...

Вот тут-то Костя и понял, что попал по-настоящему. Значит, не будет ему никакого телевизора. Быстро сядут батарейки плеера и аккумулятор ноутбука. А мобильного тоже надолго не хватит, если связь тут вообще действует...

Да это пострашней всякого двуглавого филина!

— Батя, ты чего это... Не предупредил?

— Я же сказал тебе — не бери ничего лишнего, — ответил Иван Егорович. — Станешь теперь на досуге рыбу ловить — если, конечно,

удочки захватил. И если будет он у тебя, этот досуг. В доме нашей бабани не сачкуют, сынок...

И даже поежился — видно, от воспоминаний детства.

— Узнает еще, — зловеще посулила Бабаня Грозные Очи. — Ну, мойте руки да буду вас кормить с дороги...

— Бу-бу-бу, — подтвердил филин в две глотки. Это он так время обозначал — три часа уже, хозяйюшка!

Тут Костя почему-то вспомнил, как учитель истории показывал на уроке старинный журнал, который мрачно назывался «Каторга и ссылка».

«Батя меня отправил как бы в ссылку, — уныло подумал юный силач, — а прабабушка сто пудов устроит мне здесь как бы каторгу...»

— Папа, — сказал Костя на прощание. — А почему мы, Жихаревы, по жизни такие суровые?

Жихарев-старший почесал затылок, хмыкнул и ответил:

— Должно быть, потому, что пращур наш однажды неудачно пошутил...

Большая скука в Малых Улетах

Человек приспособливается ко всему. Вон у самых первых людей вообще ничего не было — одни камни да деревяшки. И ведь как-то

приспособились!

Приспособился и Костя. Он же не хуже всех. И получше многих.

Летом в деревне работы хватает. И главной задачей для Кости стало сделать что-нибудь полезное и ничего при этом не сломать.

В первую же неделю мальчик научился колоть дрова — да так, что долго потом не мог остановиться. Ведь чтобы остановиться — это тоже характер нужен!

В Малых Улетах жили шестнадцать старух и два старика — Европеич и Азиатыч. Жихарев-младший всех обеспечил топливом на несколько зим. Причем полярных.

Еще он научился топить печку, варить кашу, пасти маленькое здешнее стадо, кормить кур... Даже корову доить — только бы об этом в школе не узнали! Засмеют ведь!

Он поправил все ворота и заборы. Вырыл огромную яму для мусора, но туда первым делом чуть не свалилась корова. Пришлось закопать.

Постоянно искал, нельзя ли чего-нибудь еще благоустроить, но деревня была уж больно маленькая.

Патрикея Маркидоновна оказалась вовсе не такая страшная, а просто очень строгая, но вот уж к этому Косте было не привыкать.

И на всякие шкоды его здесь тоже некому

было подбивать. Правда, не дожидаясь ночи на Ивана Купалу, дед Азиатыч уговорил Жихарева-младшего для смеху затащить на крышу избы деда Европеича телегу, летнюю печку и кабину от бывшего трактора. Ябеда Европеич пожаловался Патрикее Маркидоновне. Бабаня Грозные Очи велела Косте выломать хворостину подлиннее да лечь на лавку...

Приговаривала при этом, как в сказке:

— Хороша ли, дитяtko, моя ювенальная юстиция?

Не так больно было, как обидно.

В Костиной школе на стене висел особый телефон: в него можно было пожаловаться на родителей, если шоколадку не купили или наградили подзатыльником. За это злодеев могли лишиться родительских прав, а жалобщик с радостными криками отправлялся в детдом.

Здесь такого телефона не было.

Но нет худа без добра: порка, все-таки хоть какое-то развлечение!

А то скучно в Малых Улетах было так, что не передать! Что же тогда творилось в Больших Улетах?

...Поднимаются в деревне рано, и до темноты можно все дела на сто рядов переделать, а дальше что? Телика нет, музыка сдохла, на ноутбук впору чайник ставить. Или даже уютюг.

Соберутся старики и старухи на посиделки к прабабушке — поболтать при керосиновой лампе, так нынешнему школьнику и не понять, о чем они толкуют. Что такое «закон о колосках»? Кто такой Никитка-кукурузник? Когда это мы с финнами воевали — при Петре Первом, что ли? И как можно «сгореть от водки»?

А песни старушечьи слушать вообще тоска. Никакого драйва. И слов не разобрать, потому что они незнакомые.

Если бы Костя был пообразованнее, он бы понял, что у него информационный голод.

Пробовал приспособить двуглавого филина к почтовой службе, как в кино про Гарри Поттера, но Кузьма-Демьян то ли не понимал Костю, то ли делал вид, что не понимает. Да ведь и письма писать Костя был не мастер! В городе он даже SMS-ки для друзей не сам сочинял, а списывал из книжечки «Пошли друзьям прикольную SMS-ку». Они ему отвечали из той же самой брошюрки. Так что было прикольно, но совсем неинтересно...

Бедный парень от тоски до того дошел, что однажды обратился к Патрикее Маркидоновне:

— Бабаня! А у тебя нет ничего это... как бы почитать...

И смутился, словно похабщину какую сморозил. Потому что у них в классе книжки читал лишь один ботан Филимонов по прозвищу

Джувльверн.

Но тут и сама Бабаня Грозные Очи смутилась:

— Вот беда! Я-то думала — ребенку отдохнуть от чтения надо хотя бы летом, разгрузить мозги... Видно, не шибко-то ты их в школе грузил, друг любезный! А книжки мои еще в прошлом году увезли Федя да Серега, в детский дом отдали... Кабы знать, кабы ведать... Ага! Вспомнила! Есть одна книжка у соседки, Аллы Титовны! Под горшком с геранью!

Пошли к соседке. Под геранью книжка малость отсырела и разбухла. Называлась она «Былины». На обложке в кольце от блюдца можно было различить силуэт могучего всадника с копьём наперевес.

— Отпад, — сказал Костя. — Про богатырей — это как бы прикольно, я мультики видел... И пращур наш...

Он открыл книжку наугад, и...

— Сто пудов нечестно! — заревел мальчик. — Половина слов по-нерусски написаны! Бабаня, я ничего как бы не понимаю! Почему береза «покляпая»? Почему копьё «мурзамецкое»? Почему меч «харалужный»? Вообще нескладушки какие-то...

— Ну, написано-то как раз по-русски, русее некуда, — сказала Патрикеея Маркидоновна. И добавила ехидно: — Не понял — поугли... Или

картинки смотри, дитятко!

Ух как обидно стало Косте Жихареву! Так обидно! Хуже ювенальной хворостины!

— С вами погулишь, — только и проворчал. — К печке, что ли, подключаться?

Правда, обижался ребеночек недолго. Вместо того, чтобы вдуматься в былинные слова, стал и впрямь рассматривать картинки.

Не сказать, чтобы Костя был полноценный дурак. Нет, за обедом он подносил ложку точно ко рту, а не совал ее в ухо, как некоторые. Просто сама жизнь его убеждала, что при наличии широких физических возможностей умственные отступают в глубокий тыл и пребывают в резерве, словно законсервированные разведчики в тылу врага... Зато когда позовет труба...

Пришли сумерки — зажег свечку. Пламя колебалось, и тогда нарисованные всадники вроде бы оживали, кони мчались на месте, а девицы в кокошниках взмахивали рукавами...

И Костя размечтался о красивой богатырской жизни в древние времена... Поединки, пиры, некурящие царевны... Могучие кони, острые клинки... И никто тебе замечаний не делает! И ничем не грузит! И жить не учит! И врачи бороться не запрещают: врачей вообще нету! И учителей нету! И тренера! И родителей!

...Филина Кузьму-Демьяна следовало на ночь

выпускать, чтобы поохотился. Когда люди спят, точного времени им не нужно. Да и есть кому на дворе прокукарекать побудку...

Костя вышел из дома и прямо с крыльца подбросил увесистую птичку в воздух. Кузьма-Демьян свечой пошел вверх, и на белом круге полной луны выглядел очень солидно.

— Надо будет выпросить его у бабани, — сказал Костя сам себе. — В городе все обзавидуются...

Но потом все-таки сообразил, что в городе двуглавой птице хорошего житья не будет — это же не воробей-побирушка, а реальный боевой филин! Так что не окончательный дурак был Костя.

Посопел досадно, пошел в постель и быстро уснул — в деревне хорошо спится!

Тайна старого глобуса

Обычно Костя поутру открывал глаза и сразу видел дремлющего на часах филина. Налетается Кузьма, наохотится Демьян — и отдыхают целый день. И часы отмечают бубуканьем, не приходя в сознание!

Но сегодня птицы на привычном месте не было.

Со двора доносился командный голос прабабушки — она за что-то крепко выговаривала

курам, срамила заодно и рыжего петуха, потерявшего контроль за личным составом.

Костя поднялся, вышел во двор, пожелал Маркидоновне доброго утра (вышколила она внучка), умылся из рукомойника.

— Бабаня, — сказал Костя. — Филина нашего как бы нету. Вдруг его ночью съели?

— Он сам кого хочешь съест, — сказала старуха. — Нету — значит, дела у него. Ладно, управляйся тут, как знаешь, а я к соседке пойду, у меня тоже дела...

Костя спустился в погреб, взял там крынку молока, а хлеб испекли только вчера, и он был мягкий и душистый.

После завтрака юный силач прилег на бревна, лежавшие во дворе. Он бы лучше на старую телегу прилег, на сено, но телега могла его и не выдержать. Так что пришлось обходиться бревнами. Тоже неплохо.

Небо было безоблачным. Жаль. Ведь когда там ходят облака, а еще лучше — клубятся тучи, можно увидеть много удивительного: неприступные замки, далекие горы, атакующие драконы, глуповатые великаны...

«Если человек долго не смотрит в телевизор, у него и голова как-то по-другому начинает работать, — понял Костя. — Как же я раньше этого неба не замечал? Сколько там водится интересного

— и днем, и ночью!»

Малый не знал, что от информационной голодухи у человека включается воображение — если, конечно, проклятый ящик еще не спалил это свойство дотла...

Костя чуть не задремал, когда на лицо его легла тень, а щеки обдало ветерком. Совсем невысоко над ним висел Кузьма-Демьян, хотя филин и не жаворонок, чтобы на одном месте зависать.

В когтях двуглавый хищник держал нечто круглое, вроде футбольного мяча.

Костя даже не успел сообразить, что бы это такое могло быть, как филин разжал свои страшные крючья, и шарообразная добыча полетела парню прямо в лицо.

Реакция у Жихарева-младшего была хорошая — он успел схватить птичью бомбу раньше, чем она расквасила бы ему нос.

Он вскочил и тут же расчихался — столько пыли полетело.

— Ты больной, да? — заорал мальчик на филина. — Чего кидаться?

Кузьма-Демьян виновато развел крыльями, потом сложил их — и спикировал в открытую дверь избы, на свое привычное место.

— Больной на обе головушки, — проворчал Костя. Подошел к телеге и положил птичий

подарочек на сено, чтобы рассмотреть.

Перед ним был глобус. Не нынешний — легонький, пластмассовый с подсветкой и проводом, а массивный, на бронзовой подставке и с бронзовым же шпеньком на вершине, где Северный полюс.

Если бы на месте Кости Жихарева был ботан Филимонов по прозвищу Джульверн, он бы понял, какая дорогая и древняя вещь перед ним.

Ботан Филимонов сразу же увидел бы, что наклон земной оси на этом глобусе не соответствует нынешнему, а расположен под прямым углом. Что очертания континентов не всегда совпадают с привычными нам. Что нету сетки параллелей и меридианов, зато есть изображения всяких невиданных существ и бородатые головы с надутыми щеками. Что полустертые надписи выполнены какими-то неизвестными знаками...

И крепко задумался бы несчастный Джульверн, и долго бы маялся потом, стараясь разгадать тайны старого глобуса. Поскольку от ума бывает только горюшко...

Зато Костя в счастливом своем невежестве решил, что глобус просто как бы очень прикольный. Что именно это поганое слово означает, никто не знает, зато все его употребляют.

Костя взял у домохозяйки полотенце, намочил

его и тщательно вытер пыль с поверхности глобуса. Хорошо, что прабабушка этого не видела, а то бы она внучку напинала! Полотенце ведь для лица, а для пыли есть тряпка!

Тут малому показалось, что по глобусу пробежала дрожь. Костя от неожиданности чуть не выронил птичий подарок.

Но все-таки выронил, когда услышал дребезжащий голосок:

— Выпусти меня!

Ну, Костя и выпустил.

Вообще-то говорящие глобусы и карты существуют уже довольно давно. Еще никаких компьютеров не было, а в музеях и в хороших школах местные умельцы мастерили такое диво. Ткнешь указкой в обозначенную точку, замкнешь контакт — и сразу следует рассказ о том, что в этой точке находится: или город, или месторождение, или молодежная стройка. То есть включается магнитофонная запись.

Но вот чтобы глобус просил выпустить...

— Идиот! — возмутился голосок. — Твое счастье, что я на сено упал! Выпусти *меня*, говорил, а не брось оболочку!

— Типа как выпустить? — сказал Костя и снова взял глобус в руки.

— Шпенек наверху видишь?

— Вижу...

— Откручивай!

— Ну да, — сказал Костя. — Если я чего-нибудь разберу, меня всегда ругают... Хворостиной...

— Тебя еще поленом не ругали, — сказал внутренний голос глобуса. — Откручивай, не пожалеешь. Будет тебе счастье.

И тут Косте, как маленькому, полезли в голову разные сказки.

— Ты что — типа как бы джинн?

— Ага. Старик Хоттабыч. Трах-тибидох. Выпускай меня, скучно мне тут... Надоело...

— Мне тоже скучно, — с пониманием сказал Костя и стал откручивать шпенек.

— Не сломай! — командовал голосок. — Осторожно! А то я тебя знаю! Плоскогубцы возьми — там от времени резьба уже совсем пригорела...

Ботан Филимонов вот уж точно не смог бы справиться с этим делом, напортачил бы выше крыши. Но у Жихарева были очень сильные пальцы, так что управился и без плоскогубцев...

— Теперь ось вытаскивай!

Когда Костя вытащил позеленевшую от времени ось, глобус распался на две половинки.

Но не повалил дым, не грянул гром, не сверкнула молния — обнаружился совершенно круглый человечек в малиновом пальтеце... Да нет, не человечек... Людей таких не бывает, и нелюдей

тоже...

— Ты... ты кто? — сказал Костя.

— Жак-Ив Кусто! — рывкнул круглый. — Лиловый негр в мантио! Невежда! Дети малые — и те знают, кто такой Виссарион Глобальный! Можно просто — Глобальный...

— А Глобальный — это кто?

— Про домового знаешь?

— Да бабаня уж нагрузила! Когда я его блюдце с молоком в темноте опрокинул...

— Так вот Глобальный — почти то же самое, только в мировом масштабе!

Но Костя не впечатлился масштабом и сказал:

— Ну и что мне теперь с тобой делать?

— Ха! — сказал Глобальный. — Тут вопрос — что я теперь с тобой сделаю. Могу за освобождение наградить, могу и это... Покарать...

— Ну ты, — сказал Костя. — Не больно-то тут... Каратель нашелся! И вообще я тебя где-то как бы видел... Типа сто раз уже...

— Явно ты меня с кем-то путаешь, — сказал Глобальный. — Ну ладно — выкладывай свои три желания, да я дальше покачусь... Только не тяни!

Костя много чего хотел. Собственный спортзал, например, со всеми положенными тренажерами, домашний кинотеатр, огромный аквариум с морскими рыбами...

— Голова садовая, — сказал Глобальный. —

Квартирка-то у вас небольшая, куда это все поместится?

— А ты откуда про нашу квартиру знаешь? — изумился Костя.

— Я все знаю. Я, брат, информацию прямо из Космоса черпаю. Да и убогие какие-то у тебя желания, даже неинтересно... Мечтать надо широко, высоко и глубоко! И даже в четвертом измерении! Ну-ка соберись, напрягись и...

Костя собрался, напрягся и неожиданно для себя выпалил:

— Хочу стать как бы богатырем типа на коне, в смысле с мечом, при всех делах и со всеми прибабасами!

— Принято!

Грнул какой-то приглушенный гром, потемнело у паренька в глазах, потерял он себя на миг, а когда очнулся — увидел, что сидит на детской пластмассовой лошадке, держит в руке пластмассовый же коротенький меч, на голове у него картонный шлем, а картонные латы обвешаны какими-то подозрительными бубенцами...

— Обман! — заорал Костя так сильно, что у лошадки его отвалились колесики. — Так нечестно!

Он вскочил и пнул бедную лошадку. Она перелетела через плетень и приземлилась только через три соседние усадьбы, прямо в клубнику старика Европеича. Бубенцы на доспехах как-то

очень противно задрезжали.

— Все честно, — возразил Глобальный. — Я все в точности выполнил. Теперь ты как бы богатырь, под тобой был типа конь, рука твоя сжимает в смысле меч, ты при всех делах, да еще и с прибамбасами — вон как славно звенят! Грамотно формулировать надо! Так что продолжай желать! А то мне некогда — ждут великие дела!

Костя сорвал с себя позорные картонки с бубенцами, порвал с досады пластмассовый меч, напряг все мозги, сколько их было, и, наконец, надумал:

— Хочу стать реально таким, как наш славный пращур в углу!

— Принято! — сказал Глобальный и улыбнулся, сверкнув золотыми зубами.

Руки у Кости вытянулись по швам, тело налилось страшной тяжестью, он хотел было двинуться — но не смог...

— Я же сказал тебе — формулировать свои желания следует аккуратно, — поднял пальчик Виссарион Глобальный. — И конкретно! Нужно тебе, бабка, новое корыто? Будет тебе новое корыто. А ты... Что, сладко тебе, болвану каменному? Вижу, что несладко. Хочешь опять в люди выйти? Если хочешь, моргни глазами... Хотя и в таком состоянии есть свои плюсы...

Костя с огромным трудом опустил гранитные

веки и понял, что поднять их теперь сможет только с посторонней помощью.

— Принято, — сказал круглый мучитель. — Лимит желаний исчерпан.

Оживший Костя подвигал руками-ногами, сел на бревна и вдруг заплакал. Ведь он был еще маленький, хоть и не совсем...

Этот Глобальный оказался обманщиком, как все взрослые. Пусть катится, гад такой!

Никогда еще Костя не чувствовал себя таким одиноким и глупеньким. Надо же, додумался — в богатыри захотел! С пращуром сравняться пожелал! Лучше бы заказал горный велосипед с рамой из титана, чтобы не сломалась никогда... И еще разревелся — вот стыд-то! Ладно, хоть никто не видит...

Он вытер слезки могучими кулачками и огляделся на всякий случай.

Глобальный никуда не укатился. Маленький обманщик все еще сидел на телеге, свесив крошечные ножки, и о чем-то толковал с Кузьмой-Демьяном, который присел рядом. Потом свалился с телеги и подкатился к бревнам.

— Так ты Жихарев?

— Ну, — только и молвил Костя.

— Так что же ты сразу не сказал, что потомок? Хотя... Ну да! Все сходится! И каменная баба была в честь него поставлена в юбилейном

незапамятном году! То ли скифы ее воздвигли, то ли байкеры... Да! Геройствовал твой пращур под моим началом, водил я его в сражения, наставлял в трудных испытаниях, немало своего личного ума ему вложил... Словом, путеводил его по рельефу жизни... Даже на Луне пришлось нам побывать! Изрядный был богатырь, хоть и не без недостатков... Роковых и пагубных...

— А... как его звали? — спросил Костя.

— Ты что — не знаешь? — Глобальный вытаращил глазенки.

— Ну... Батя говорит: имя его неизвестно, судьба загадочна, деяния непоправимы...

— Батя говорит почти правильно, — согласился Глобальный. — И судьба загадочна, и деяния непоправимы — вот ты, например, на свет появился в конечном счете... Но уж насчет имени-то могли бы и догадаться! Если ты — Жихарев потомок, то как предка зовут?

— Иван Егорович, — уверенно сказал Костя.

Глобальный схватился за себя, поскольку он весь был голова:

— Думай лучше! Предок не в смысле отец, а в смысле пращур! Дальний-предальный!

Костя наконец догадался и сказал:

— Таких имен не бывает, чтобы Жихарь!

— А чтобы Добрыня или Вольга, бывает? Это такое же древнее и славное имя. Про наши с ним

деяния даже знаменитая книга написана. Правда, за долгие века ее текст был сильно искажен. Половцев каких-то приплели, княгинь рыдающих, князей плененных... И вот, в память воспитанника и наперстника своего Жихаря-Многоборца, я решил принять в тебе участие...

Костя недоуменно уставился на круглое диво.

— То есть крышевать тебя буду, невежда! — рывкнул Глобальный. — Вижу ведь, что без моей помощи ты по жизни пропадешь! Рассказывай, что там у тебя, пока бабка не пришла!

Костя всхлипнул:

— Вот все говорят «юный богатырь», «юный богатырь», а я на самом деле слабовольный и легко внушаемый...

— Это хорошо, — сказал Глобальный. — Ведь я-то тебе только позитивное буду внушать...

И Костя рассказал, как уж мог, о своих проблемах. О родителях. О бандитах с мыльного завода. О силовом экстриме. Получалось коряво, зато правдиво....

— Ничего, — сказал Глобальный. — Любое горе следует размыкать, а размыкивать чужое горе я умею лучше всех на свете... Ну что, пошли?

— Куда?

— Куда и я! В богатырские края! Ума набираться, с науками знаваться, нужные знакомства приобретать, все на невыросший ус

мотать... Если повезет, то и богатыристику тебе выправим!

— Чего выправим?

— Богатыристику. Это такой документ. Справка, что ты действительно русский богатырь, а не культурист, не бодибилдер какой-нибудь позорный, гора мясная...

— А какая от нее польза — как от почетной грамоты, что ли? Так их у меня...

— Большая польза! Во-первых, родители убедятся, что ты человек уже взрослый и самостоятельный. Во-вторых, братья над тобой потешаться перестанут. В-третьих, по этой справке тебя всюду пропустят — хоть в кино до шестнадцати лет, хоть через любую границу...

— Да ну?

— Вот и ну. Пограничники с таможенниками как только увидят богатыристику с печатью и подписями Большой Тройки, так враз испугаются, окарачь поползут!

Уговаривать Костю что на хорошее, что на плохое дело и впрямь было недолго:

— Тогда пошли, — решительно сказал он, но вспомнил про хворостину. — Только надо у бабани отпроситься...

— О том не печалься, — сказал Глобальный. — Сколько бы мы с тобой в неведомых странах ни скитались, а воротимся

точно в эту же минуту. Если с плетня вон та крынка упадет, то даже разбиться не успеет...

— А почему?

— Потому что — долго ли умеючи! — горделиво сказал Глобальный. — Первым делом нам надо через речку перебраться...

— Так батя лодку увез, — сказал Костя. — Придется вплавь... Я сумею...

Глобальный даже подскочил.

— Нельзя мне вплавь! — взвизгнул он. — Я сухопутный странник! Не матрос какой-нибудь мокроштаный!

— Пойдем тогда в обход, — сказал Костя. — Через город Вкуснятин. Там сто пудов есть мост.

— Нет, — сказал Глобальный. — Речку надо перейти в точно определенном месте, иначе ничего не получится.

— Почему это?

— Потому что речка ваша не простая.

— Это Кислица-то непростая?

— Вот именно. Почему она так названа, знаешь?

— Да как бы знаю! В честь ягоды кислицы!

— А другое название у ягоды кислицы какое?

— Какое? — повторил Костя.

— Смородина! — сказал Глобальный и многозначительно поднял пальчик.

За Калиновым мостом

Голому собраться — только подпоясаться, говорила бабаня. В дорогу Костя взял лишь рюкзачок — не прежний брезентовый гигант, а небольшой, школьный. Сунул туда пачку печенья да книжку — по указанию Виссариона.

— Вместо путеводителя будет, — сказал Глобальный и весело покатился за калитку. Костя последовал за ним и все соображал — где же и когда видел он это удивительное существо.

Они шли по знакомой тропинке к реке, только вот по знакомой ли?

Что-то на этом пути поменялось. Вместо легкомысленных березок вдоль тропки поднялись угрюмые, черные с проседью, ели. Между деревьями поднялись огромные яркие мухоморы, и по их смертоносным шляпкам совершенно безнаказанно бродили большущие мухи...

Прежняя речка Кислица была в пяти минутах ходьбы. Зато до речки Смородины пришлось идти почти час...

Но речка не только имя поменяла. В этой самой новоявленной Смородине и вода бежала какая-то черная, и страшно дымилась эта вода, словно вытекала из какого-то огромного котла. Она и пахла, как в бойлерной. И даже булькала да пузырилась.

А вот лезть в эту воду никакой охоты не было.

— Мыльный завод ночью вредные отходы сбросил, — определил Костя. — Мне что-то облом в эту типа канализацию лезть...

— И нельзя, — сказал Глобальный. — Ты там сгоришь за милую душу...

В доказательство шаровидный проводник подобрал с земли какую-то веточку и швырнул ее с берега коротенькой лапкой. Веточка все же долетела до воды, занялась огнем и пропала.

— Нужно строить мост, — сказал Глобальный.

Костя оглянулся. Черные ели остались позади, а у самого берега росло лишь какое-то тощее деревце...

— Придется типа вернуться, — сказал Костя. — Вырву пару стволов, ветки обломаю, будет в смысле мост...

— Нельзя ломать заветные ели, — сказал Глобальный. — Худо будет...

— Что же делать?

Глобальный подкатился к тощему деревцу. Ветки деревца были усыпаны раскидистыми пучками алых ягод.

— Полезай наверх! — скомандовал он.

Жихарев поглядел на хлипкий ствол, на могучего себя — и засомневался.

— Лезь, лезь! — командовал шаровидный.

Косте приходилось лазать и по канату, и по шесту — но тут другое дело...

— Сто пудов обломится! — сказал он. — А зачем лезть-то? Чтобы типа дали оглядеть?

— Чего думать — лезть надо! — отвечал Глобальный. — Постой, постой, а как же я? Меня-то возьми!

Костя двинулся в неведомый поход бездумно, как был — в кроссовках, в «бермудах» со множеством карманов и в футболочке с портретом форварда «Зенита» Аршавина, высунувшего язык.

— А куда я тебя? В рюкзак?

— На шею! — сказал Глобальный. — Я буду деликатно держаться, не задушу небось!

«И на том спасибо», — подумал Костя.

Он подсадил Глобального себе на шею и полез по голому стволу. Лапки у существа были неожиданно сильные...

Да и деревце оказалось крепче, чем он думал. Уже метра два до земли, три, четыре...

Костя закрыл глаза. Вот сейчас раздастся треск, и полетят они прямо в дымящуюся вонючую пакость...

— Вперед, вперед! К новым вершинам! — подбадривал седок.

Выглядеть трусом юному богатырю ну никак не хотелось, особенно перед этим... Таким знакомым... Можно сказать, с младенчества

знакомым...

— Все! Отпускайся! — скомандовал Глобальный.

Костя открыл глаза, разжал руки и обрел под собой почву.

Деревце попробовало распрямиться, но до конца не смогло — так и перекинулось коромыслом над берегами речки Смородины...

— Это и есть Калинов мост, — сказал Глобальный.

— Да ну, — сказал Костя. — В сказке-то на Калиновом мосту как бы дерутся... Ой, без «как бы»...

— То-то, — сказал грамотный шарик. — Видишь ли, Калинов мост — он у каждого свой...

— Здесь что-то не то... — сказал Жихарев. — А! Врубился! На настоящей калине ягоды только осенью бывают! Вспомнил!

— А тут ваши законы не действуют, — сказал Глобальный. — Тут главное — чтобы покрасивше было... Правда, калинушка теперь навек покляпая останется, но так даже романтичнее...

— Покляпая — значит, гнутая? — сказал Костя.

— Сообразил! — сказал Глобальный. — Ну, тогда вперед!

Они сделали только несколько шагов, когда Костя услышал, что кто-то положил ему на правое

плечо тяжелую руку. Так и есть — Кузьма-Демьян. Видно, Бабаня Грозные Очи наказала филину приглядывать за правнуком-стрикулистом.

— Ты чего? — спросил Костя.

Двуглавый филин что-то пробормотал в ответ, но Костя не понял. Зато понял Глобальный:

— Говорит, скучно ему там. Возьмем его с собой, не помешает. Наоборот — увидят тебя с филином на плече, да еще с таким особенным, и подумают, что ты ученик чародея. Лишний раз связываться не станут...

— Птичка не батин рюкзак, — сказал Костя. — Как-нибудь справлюсь...

— А я тебе еще и помогу! — сказал Глобальный. — Подсади-ка меня на другое плечо, для равновесия! Правда, так ловчее?

«Паразит», — подумал Костя, но ничего не сказал.

— Да и собеседник мне нужен, — продолжал наглый шарик. — Не с тобой же мне толковать — с двоечником! Твое дело — слушать да на невыросший ус мотать!

— Я троечник! — обиделся Жихарев. — И нечего мне про усы напоминать...

— Это потому что учеников нынче приказано жалеть! — сказал Глобальный. — Вот учителя и не ставят двоек, иначе сами окажутся виноваты, что плохо учат...

— А филин — не попугай, он словами не выражается! — подковырнул Костя своего путевода в отместку за жестокие правдивые речи.

— Не беспокойся. Филин знающий.

— Чего он там может знать, — скривился Костя.

— Мало ли что! — раздался совершенно незнакомый скрежещущий голос.

Костя вздрогнул и едва не стряхнул филина с плеча.

— Кто это?

— Кузьма, — сказал Глобальный. — Или Демьян. Не имеет значения. В данном случае... Итак, молодой человек, мы с вами находимся в абсолютно ином пространстве и в совершенно условном прошлом времени... Тут животные тоже меняются... Мы уже, мягко говоря, не в Канзасе!

Жихарев огляделся — пространство как пространство: леса да поля. Потом посмотрел на часы с календарем — время как время: половина десятого, тридцать первое июня...

— Разницы пока не вижу, — сказал он. — Богатырей...

— Тем более! — прозвучал вдруг тяжелый бас.

— Это — тоже он? — Костя приподнял плечо, которое с филином.

— Больше никому, — сказал Глобальный.

Костя начал всерьез уважать филина.

Под ногами была уже не тропинка, а хорошая дорога, хоть и немощеная, зато наезженная. Только ездили по ней, как показывали следы в пыли, не на автомобилях, а на лошадях и телегах...

— А вот и люди! — обрадовался Костя, увидев чуть в стороне маленький пестрый домик.

— Зоркий! — похвалил его шарик. — Слушай, сходи-ка туда да посмотри, что к чему, а мы с филином тебя во-он в том лесочке подождем... Узнай, что там и как...

— А с вами-то почему нельзя? — сказал Жихарев. — Потому что стыдно?

— Потому что нежелательно, — объяснил Глобальный и скатился с плеча в траву. — Кузьма-Демьян, за мной!

«Подставляет меня, козел! — решил Костя. Потом подумал как следует: — Нет, все правильно. Я же из нас самый сильный, с меня и спрос. Да и что там может быть опасного? Баба-Яга? Так она рядом с Патрикеей Маркидоновной отдыхает...»

Домик был замечательный — с высокой двускатной крышей, с резными и расписными ставнями. Как на детской площадке во дворе. Вместо детей там обычно взрослые в бутылочку играют...

В сказочном окошке виднелись два круглых личика.

Костя подошел ближе и увидел, что это старичок и старушка — оба с румяными щечками и ласковыми глазками.

— Здорово, дед да баба! — сказал Костя и даже слегка поклонился — Бабаня Грозные Очи внушила ему, что в деревне следует приветствовать даже незнакомых.

— Здоровей видали, — мрачно сказал старичок. — Проходи себе, куда шел.

Жихарев такого приема никак не ожидал: уж больно благостными казались старички. Такие должны, по идее, даже маньяка Чикатилу накормить, напоить и спать уложить...

— Я вам чего такого сделал? — спросил он. — Вы же меня первый раз видите!

— Может, и первый, — сказала старушка.

— А может, и не первый, — сказал старичок.

— Может, это как раз ты в тот день шел мимо, да и... — старушка заплакала.

— Да и прихватил! — закончил старичок и наставил на Костю острый палец.

— Чего прихватил? — удивился Костя.

Но дед и баба его, кажется, не слышали.

— Из последних сил-возможностей... — сказал старичок.

— По углам, по сусекам... — сказала старушка.

— На сметане мешали...

— На окошке студили...

И синхронно сделали ручками этокое круговое движение.

— Так и не полакомились, — сказал старичок. — Пришлось, как обычно, кашу с молоком есть.

— А наш дед как налопается каши с молоком, — пожаловалась старушка, — так сразу серчает и дерется — хлоп по пузу кулаком!

Все говорили, что Костя Жихарев — тормоз. Но тут и он догадался, по ком сокрушаются старички. И кто прикинулся всезнающим Виссарионом Глобальным...

— Вспомнил! — радостно вскричал он и, не попрощавшись, побежал в сторону леска, где была назначена встреча.

— Все про тебя знаю! — вскричал он, тыча пальцем в сторону бывшего глобуса. — А понты-то корявые предьявлял — глобальный, глобальный...

— Мало ли что! — откликнулся филин.

— Ну да, — печально сказал рассекреченный Колобок. — Я думал, ты раньше догадаешься... И как они там без меня? Тоскуют?

— Все глаза проплакали, — сказал Костя. — Особенно дедуля.

— Тем более, — сказал Кузьма-Демьян.

Колобок опрокинулся ничком и замолотил ручками и ножками по траве. Правда, ручки и

ножки были коротенькими и до травы не доставали.

— Ведь это ж те самые дед и баба! — рыдал Колобок. — Криэйторы мои родненькие! Тварь я, тварь подколодная! Бросил их на произвол судьбы! И как только изюминка внутри меня не разорвалась! Нет мне прощения!

Слезы его сыпались на траву панировочной сухарной крошкой.

— Мало ли что! — утешил его филин.

Жихареву тоже стало жаль Колобка. Хоть он и выдрючивался со своим глобализмом, а по сути-то ведь свой, родной, нашенский...

— Не парься, Колобочек, — ласково сказал он. — Если бы ты ножки с окошка не сделал, так схомячили бы они тебя... С молоком... И никакой сказки бы не было...

— Тем более, — удостоверил его слова филин.

Колобок перестал рыдать и откинулся назад.

— Правда ваша, мальчик и птица, — сказал он. — Ведь останься я с ними — так во что бы превратился? Стыдно сказать. Нет, родной дом нужно покидать вовремя...

— Вот и правильные пацаны с мыльного завода всю дорогу меня напрягают на то же самое, — сказал Костя.

— Стоп, — сказал Колобок. — Чтобы об этих разбойниках больше не вспоминал! Тут своих

хватает!

— Тем более, — сказал филин.

— А-а! — крикнул Костя. — Я с Кузьмой-Демьяном все понял!

— Мало ли что! — обиделся филин.

— Он только два слова и знает!

— Не два слова, а две фразы, — поправил Колобок. — И знаешь, этого вполне достаточно, чтобы поддержать любую беседу на любом уровне. Проверено веками...

И надолго задумался бывший глобус.

Костя посмотрел вокруг.

Все было так, как обычно, но в то же время не так.

Трава была, например, зеленее, чем положено.

Небо — голубее, чем обычно.

Цветы росли ярче открыточных.

А на солнце, хоть и сияло оно изо всех сил, можно было явственно различить чью-то бодрую физиономию...

— Закрой рот, — посоветовал Колобок. — Это сказочный сектор, мы тут не задержимся... Или ты сестрицу Аленушку желаешь повидать? Семерых козлят?

— Я не маленький уже, — обиделся Костя.

— Так я с тобой и говорю, как со взрослым, — сказал круглый. — Хотя богатырей можно и в сказках встретить, но мы-то с тобой договаривались

разобраться с былинами...

— Мы пока как бы и не договаривались... — сказал юный Жихарев.

— Тем более! — подтвердил Кузьма-Демьян.

— Значит, будем договариваться сейчас, пока не зашли слишком далеко. Так! Меня слушаться во всем, как отца родного и даже лучше! Если я прикажу в землю закопаться — закапывайся! Прикажу прыгать в воду — прыгай! Тут места беспокойные! Зато потом будет чем перед друзьями похвастаться... Был, мол, у меня вожатый... Может, о тебе тоже книгу напишут — «Слово о Колобке и Жихареве», второй том...

— Вожатый... Обсмеют меня друзья, — уныло сказал Костя. — Скажут: а, типа Колобок тебя водил? А почему не Чебурашка?

— Потому что Чебурашек не бывает, — сказал Колобок. — Это плод вымысла.

— А ты-то чей плод? — сказал Жихарев. — Как будто ты не из сказки!

— Я, брат, если хочешь знать, не из сказки. Бери выше — я из мифа! Я солярный символ!

— У тебя что — типа дизель внутри?

— Невежда! Солярный — значит, солнечный! У всех древних народов обязательно был праздник Солнца. И в честь нашего уважаемого светила они пекли разные... разных... Даже блин, хоть он и плоский, обозначает Солнце! А я-то вообще! С

моей-то биографией!

— Мало ли что! — брякнул филин.

— Не мало ли! Когда случилось солнечное затмение, люди думали, что светило сожрала какая-то тварь...

— А! Крокодил наше солнце проглотил! — вспомнил Костя детскую книжку.

— В Африке — да, на крокодила грешили, — сказал Колобок. — Или на змея Апофиса. В каждой земле свои гады. Теперь самое главное, усвой сразу: от долгого употребления любой священный миф ветшает и превращается в детскую сказку. Или загадку. То есть сперва люди плачут, кричат и бьют в барабаны, чтобы хищник солнышко выпустил, а потом, когда миф забудется, детям загадывают — кто, мол, круглый, румяный, от волка ушел, от медведя ушел? А там и до сказки рукой подать. Понял? Никакая сказка для пустого развлечения не придумана, за каждой какая-то древняя правда стоит...

— Тем более! — значительно добавил Кузьма-Демьян.

Честно говоря, Костя мало что понял. Сказки ему в детстве читали, мультики он сам видел, но твердо знал, что все это пустяки. И с друзьями они сроду про сказки не говорили, а все больше про бицепсы, трицепсы, калории... Несолидный какой-то у него экскурсовод!

— Сто пудов ты гонишь! — закричал он. — Тебя же лиса слопала! Я помню!

— Ага, — сказал Колобок. — Не бегите, детки, из дому, а то и с вами так будет... Но такой воспитательный финал уже потом присобачили — ведь в жизни-то солнце всегда возвращается! Ладно, мы к этому еще подойдем. Ну, потопали, путь далек... Подсади-ка меня!

Понравилось ему на чужой-то шее!

— Обожди, — сказал Костя. — На дороге какая-то непонятка валяется...

— Это подкова, — сказал Колобок.

Костя нагнулся, подобрал непонятку и подбросил ее на ладони.

Так вот ты какая, легендарная подкова, забава силачей прежних веков!

Костя тут же, как полагается, завязал ее узлом, гордо огляделся и пожалел, что никто из знакомых не видит.

— Ну и болван каменный, — сказал вожатый. — Подкову найти — к удаче, я было даже обрадовался, а ты вон что сотворил. Не взыщи теперь, коли и удача тебе будет корявая...

Мальчик испугался и стал развязывать подкову обратно, да только переломил...

— Еще хуже, — вздохнул Колобок. — Настоящие-то богатыри сперва думают, а потом делают...

Но сказал он это как-то не совсем уверенно...

Потом они довольно долго шли в молчании. Костя заметил, что из леса по обеим сторонам дороги начал выползать туман — сперва длинные ленты его обвивали ноги, потом поднялись выше...

— Ты меня типа в болото ведешь? — сказал Жихарев.

— Там всего хватает, — ответил Колобок. — Просто область мифов сама по себе такая неясная. Предполагать мы можем что угодно, а как было на самом деле — не знаем...

— Так мифы на самом деле были? — удивился Костя. Про мифы Древней Греции он знал, потому что видел и такие мультики.

— Что-то по жизни было, — сказал Колобок. — Такое, что навечно врезалось людям в память. Потом люди приврали, приукрасили, все поперепутали или поменяли местами...

— А мифы про что бывают?

— Например, про сотворение мира, разделение неба и земли, получение огня, появление смерти...

— Так люди раньше бессмертные были, что ли?

— Нет, просто они не сразу осознали, что смертны... Ну, еще бунт сына против отца, брата против брата...

— Или как человек колесо придумал... —

подсказал Костя. Он уже давно удивлялся, почему наука до сих пор не докопалась до столь великого деятеля, а ведь ему на всей Земле даже памятную доску к дому не привинтили!

Но задать такой вопрос учителю стеснялся — ребята засмеют!

— Нет, — сказал Колобок. — Вот как раз про миф об изобретении колеса мне слышать не доводилось... Хотя... Должно быть, эту штуку придумали уже после того, как оформились мифы. Точно! Зачем колесо, если еще нет телеги? Зачем телега, если еще не приручили коня? Но голова у тебя заработала в нужном направлении, и это тоже странно...

— Совсем ничего не видать, — сказал Костя, чтобы переменить тему. — Только я слышал, что у ночных птиц есть внутри как бы радар...

— Вот сейчас твое «как бы» уместно, — сказал Колобок. — Но нам никакой радар не нужен, потому что я тут с закрытыми глазами пройду! И ты ступай за мной след в след. А я для тебя проведу как бы лекцию...

— Ага! — обрадовался Жихарев. — А сам-то! Колобок не смутился.

— Как бы — потому что полноценной лекции — такой, от которой добрых людей немедленно в сон кидает, — у меня не получится.

Миф — всему голова

Как только люди начали маленько соображать (не спрашивай, как это произошло — даже Колобок того не знает), то начали друг другу задавать вопросы на самые главные темы.

Кто сотворил мир? Кто разделил свет и тьму, воду и сушу? Почему умершие не говорят и не ходят? Откуда взялись солнце, луна и звезды? Почему луна переменчива, а солнце постоянно? Кто нас научил пользоваться огнем?

Казалось бы — есть у тебя кусок мяса и уютная пещерка, так живи и радуйся. Но нет, им всему надо объяснение найти...

Они и объясняли, потому что воображение уже вовсю работало.

Что такое миф — каждый понимает и объясняет по-разному.

«Миф 1) сказание, передающее представления древних народов о происхождении мира, о явлениях природы, о богах и легендарных героях; 2) вымысел».

(Современный словарь иностранных слов)

«Миф представлял собой событие, в

каком-то смысле произошедшее однажды, но при этом повторяющееся постоянно».

(Карен Армстронг, «Краткая история мифа»)

«Миф — это нечто постоянное и неизменное для всех людей во все времена. Общие модели, сюжеты и даже детали, содержащиеся в мифах, встречаются везде и повсюду... Миф — это совокупное наследие наших предков, передававшееся из поколения в поколение. Миф помогает людям и обществам достойно и адекватно приспособиться к своему окружению».

(Дж. Ф. Бирлайн, «Параллельная мифология»).

И это еще самые простые толкования...

Пришествие хтонических

...Страшно завыл ветер или даже целый ураган. Туман меж гнущихся деревьев живо повымело, и открылись горы, почти неотличимые от облаков, и река, которая прямо на глазах разливалась все шире и шире.

— Тем более, — сказал Кузьма-Демьян,

оттолкнулся от плеча и взлетел на ветку могучей ели.

— Залезай следом! — приказал Колобок. — А то мы утонем!

Костя умел плавать, но вода-то была уж очень неприветливая — мутная, пенистая и наверняка холоднющая. Поэтому он с неожиданной для себя быстротой добрался до ветви с филином и пристроился в развилке между ней и стволом. К счастью, ветвь попалась крепкая. Как и сама ель...

— Молодец, — крикнул Колобок сквозь рев урагана. — Ну вот, как я и думал — дают о себе знать предтечи богатырей... Самые древние...

— Где? — заорал Костя и стал озираться.

— Тихо ты! Стряхнешь ведь меня! — рассердился Колобок. — Видишь, горы ходуном ходят?

— Это землетрясение называется! — сказал Костя. — С нами такое было — в Крыму на сборах...

Тут застонала, заскрипела соседняя ель — и вдруг вывернулась с корнями и рухнула в воду, подняв тучу брызг.

— Во как! — сказал Костя. — А если бы наша?

— Кузьма-Демьян — птица вещая, знает, куда сесть...

— Холодно, — пожаловался Костя. — Я весь

мокрый...

— Зато я сухой, — сказал Колобок. — Ты для меня, можно сказать, головы не пожалел, прикрыл... И всегда так делай, потому что я более твоего для матери-истории ценен!

Костя обиделся, но ничего не сказал — Колобок ведь и правда уникальный, а силачей на земле хватает...

— Где же твои богатыри?

— А вот погляди...

С этими словами проводник взмахнул ручкой — и Костя увидел землю словно из собственного окна — а квартира у Жихаревых была на двенадцатом этаже.

Среди гор, поросших все тем же черным ельником, мотался голый волосатый детина необыкновенных размеров. Он обхватил гору могучими ручищами, покачал туда-сюда — и перешел к следующей...

— Чего это он делает?

— Потом расскажу... Теперь сюда смотри!

Совсем недалеко от их гостеприимного дерева крякал, хэкал и колотил себя в грудь другой детина, чуть поменьше. Наверное, у него был такой фитнес. Потоп был для него — все равно что вода, разлитая по полу. Великан обеими лапами ухватился за ель, издал какой-то мерзкий звук — и выдернул дерево из земли, словно цветочек из кашпо...

— У меня бы так не вышло... — позавидовал Костя. — Это кто?

— Потом, потом... На реку гляди!

Всмотрелся Жихарев — и увидел третьего гиганта. Тот лежал босыми ступнями к ним прямо в воде по самые уши, а громадные его усы раскинулись от берега до берега и запрудили реку...

— А, вот кто главный гад, — сказал Костя. — Вот из-за кого мы тут это... как птички...

— Мало ли что! — сказал филин.

Вдруг речной великан поднялся в полный рост, повернулся к путникам и сразу же начал выкручивать двумя руками усы, выжимая из них воду. Роба у детины была глупая-преглупая...

Костя глянул вниз. Ели уже не стояли по колено в воде. Река стремительно вернулась в привычное русло, и земля сделалась совсем сухая.

— У нас тут быстро чудеса творятся, — сказал Колобок. — А то ведь не переждешь всех метаморфоз... Слезай, любезный друг, дальше пойдем!

Костя осторожно, чтобы не задавить седока, соскользнул с ветки, ухватился за нее, повис на руках, потом спрыгнул.

— А где эти-то? — спросил Жихарев, тревожно оглядываясь. — Кто они такие?

— Они, — сказал Колобок, — природные

силы и явления. Персонифицированные стихии. Хтонические, водные и прочие...

— Не грузи меня гнилым базаром! — испугался Костя.

— Хорошо, — сказал Колобок. — Тогда давай будем вот так общаться...

У проводника и без того голосок был не очень приятный, а тут сделался совсем сладеньким и противненьким:

— Здравствуй, дружок! Докушинькай кашку, задвинь горшочек под стульчик, сядь и внимательненько слушинькай. Я увлеку тебя в чудесненький мир сказочек и былиночек, и ты узнаешь, как в прежненькие годики дяденьки и тетеньки...

Костя испугался еще сильнее:

— Нет-нет! Не надо со мной так! Лучше уж эти... хтонические! Потом разберусь или спрошу!

— Правильный выбор, — сказал Колобок. — Если услышал незнакомое слово — спроси о его значении. Кстати, многие только потому и остаются невеждами, что стесняются спрашивать. А спрашивать они стесняются, чтобы не прослыть невеждами... Вот такой получается порочный круг... Объясняю! Помнишь рисунок на глобусе — рожа с надутыми щеками? Именно так древние люди представляли ветер. И еще долго потом рисовали его на картах и глобусах. Зато штурманам

сразу было видно, куда ветры дуют на данных широтах. Это и есть персонификация... Понял?

— Ну, — смутился Жихарев, потому что действительно понял.

— У тех, кто населял Землю в незапамятные времена, — сказал круглый наставник, — знаний было немного, зато воображения — хоть отбавляй...

— Это потому что телика не изобрели! — вслух догадался Костя. Мысли и умозаключения редко посещали его голову, но уж берег их юный силач накрепко! Свое ведь, собственными серыми клеточками надуманное!

— Верно, — продолжал Колобок. — Вот ты в деревне сам почувствовал, каково человеку живется без прибамбасов городской цивилизации. И как темными ночами чудится всякое — кто-то ходит, вздыхает, что-то скрипит, кряхтит, визжит... А они так всю жизнь проживали, и думали, что вокруг, помимо обычных животных, полно всяких других существ... То ли куст во тьме, то ли зверь неведомый...

Костя и сам в свое время считал, что под компьютерным столом живет Семилапый Гигабайт — старшие братья внушали это малышу, чтобы не лазил под стол да не порвал провода. Но оно когда было!

— Значит, эти громилы ненастоящие?

— Для наших предков они были самые настоящие. Отчего бывает, что горы трясутся? От сдвига тектонических плит? Да люди слов таких не слышали. Нет, горы трясет Горыня. А кто дубы с корнями выворачивает? Вихрь? Нет, Дубыня. А почему реки по весне разливаются? От растаявшего снега? Нет, это Усыня их перекрывает, главный гидростроитель...

— А почему усами-то?

— Хороший вопрос, — Колобок задумался, но ненадолго. — Видно, представляли они Усыню в виде огромного сома или осетра с руками и ногами. А еще этих братцев могли звать Вернигора, Вырвидуб и Прудивус — в каждом славянском племени по-своему...

— Так это и были главные богатыри?

— Какие богатыри! Хулиганы они были — вроде тех, которые киоски с мороженым переворачивают...

Костя покраснел.

— Мало ли что! — заступился Кузьма-Демьян.

— Я все бабло, которое на маунтинбайк скопил, за этот киоск отдал, — сказал Жихарев.

— Тем более, — поддакнул филин.

— Ладно, забыли, — смилостивился Колобок. — Потом эта троица переехала в сказки, а в сказках они встретились с человеком... И

оказалось, что люди их умней, хитрей и даже сильнее... Покатигорошек какой-нибудь... Только это произошло, когда человек уже понял: хоть природа и могуча, но и он сам, хомо сапиенс, не на помойке найденный... А последним в этой стихийной компании был Святогор...

— Кто?

Святогор — богатырь без подвига

...И он же, Святогор, был первым в тройке так называемых *старших* богатырей вместе с Вольгой (Волхом) Всеславьевичем и Михайлой Потыком. Имя свое он получил от Святых Гор — так назывались в те времена всяческие священные, запретные возвышенности. Да он и сам был горой — человек по сравнению с ним казался мышкой или букашкой. Недаром Илье Муромцу (а на Илью «завязаны» очень многие былины) дают добрый совет:

Бейся-ратися со всяким богАтырем

И со всею паляницею удАлою;

А столько не выходи драться с

Святогором —

богАтырем:

Его и земля на себе через силу носит...

Можно сказать, что ареал обитания Святогора этими Святыми Горами и ограничен — на обычном грунте он вместе с конем уходит в землю.

Иногда его называют еще Святогором Горынычем — сыном Горыни, существа тоже сверхчеловеческого.

Вероятно, создан или рожден был Святогор для каких-то совсем уж грандиозных, нам непонятных и недоступных деяний. Возможно, именно он насадил земной шар на ось. Возможно, именно он лично, голыми руками, передушил всех динозавров, чтобы не путались под ножками у млекопитающих предков человека.

Дела же самих маленьких людишек его не касаются. Он не спасает царевен и не сражается со вражескими полчищами. Какого-нибудь Змея лютого Святогор может прихлопнуть, как шмеля. Поэтому богатырь и томится, что дела для него на белом свете не осталось. Вот если бы на земле и в небе было ввинчено по кольцу, он бы свел небо и землю — то есть вернул бы мир в первобытный хаос, когда все было вперемешку.

Но тут кто-то предусмотрительно бросает на пути Святогора «скоморошью сумочку». Богатырь хочет подцепить ее «погонялкой» (плетью). Но...

Эта сумочка да не ворОхнется...

Пришлось слезать с коня. Пробовал одной рукой поднять — с тем же успехом. Двумя руками ухватился, рванул изо всех сил — но только сам ушел в землю по колено.

В некоторых былинах тут и конец приходит Святогору. В других — великана вытаскивает верный конь: ведь хозяину еще положено встретиться с Ильей Муромцем!

Встреча происходит не где-нибудь, а «на тех на горах да Араратских». То есть где-то между Арменией и Турцией. Но былинная география не похожа на реальную...

Илья, забыв напутствия, полез будить Святогора. Лупил великана палицей, а тому казалось, что «комарики кусаются». Потом Святогору надоело баловство, и он попросту засунул храброго Муромца в карман. Вместе с конем. И забыл. На три дня.

Но собственный верный скакун напомнил, пожаловался, что тяжело ему:

...Я вожу двух русских могучиих
богАтырей,
Дай в третьих с конем богатЫрским.

Представьте: водитель положил в карман сувенирную фигурку всадника, сел в кабину многотонного грузовика — и эта махина вдруг

ощутимо крикнула и просела! Вот как богата фантазия древнего сочинителя!

Илья, вынутый из кармана, запросил пARDону:

Не хочу я с тобою сражаться,
Я желаю с тобой побрататься...

Вот так бы сразу. По такому случаю богатыри раскинули шатер и устроили пир, после которого трое суток отсыпались. И, судя по описанию банкета, были вполне соразмерны друг другу...

А потом по Араратским горам они прискакали на гору Елеонскую, которая вообще где-то в Израиле. И там нашли «чудо чудное» — дубовый гроб. Который веками там стоял и никого не трогал. Так нет же, Святогору заблажило узнать:

— А кому в этом гробе лежать сужено?

Первым полез Илья, как положено салабону. Илье в гробу было слишком просторно. А вот Святогору в самый раз!

Мало того — великан потребовал:

Ай же ты, Илья, да мой меньший брат,
Ты покрой-ка крышечку дубовую,
Полежу в гробу я, полюбуюся...

Ага. «А я встану, погляжу, хорошо ли я лежу»...

Но под крышкой Святогору мигом стало «тяжелехонько да тошнехонько». Закричал он Илье, чтобы снимал крышку, а крышка не снимается!

Святогор советует:

Ты разбей-ка крышечку саблей вострою!

Получилось еще хуже. Где ударит Илья — появляется железный обруч...

Понял великан, что пришла его «кончинушка». Захотел он передать напоследок меньшему брату свою силушку...

В иных былинах Илья принимает часть Святогоровой силы. В других отказывается, и правильно делает, потому что дыхание умирающего богатыря смертоносно...

И вот что интересно. В начале прошлого века русский авиаконструктор Слесарев построил самый большой в мире самолет и назвал его «Святогор». Машина потерпела катастрофу на старте.

Самолет другого инженера, Сикорского, был поменьше и носил имя «Илья Муромец». Он прекрасно полетел и стал первым в истории самолетом стратегической авиации.

Как вы яхту назовете...

— Я вообще-то не все понял, — честно сказал Костя. — Только про самолеты...

— Ну так спрашивай! — велел Колобок.

— А вот у нас в городе была как бы секция, — сказал Жихарев. — Или секта. Так они вот тоже в могилу закапывались. Типа это для здоровья полезно... Они правильно делали?

— Тьфу ты! — воскликнул Колобок. — Воистину — богатыри на Руси повывелись, а вот дуракам переводу нет! Еще вопросы есть?

— Чего бы нам пожевать? — спросил Костя. Печенюшки он как-то незаметно для себя схрумкал по дороге. А во второй коробочке оказался набор фломастеров — забыл вытащить после учебного года. Не первой необходимости вещь...

— Так ты что — из дому ничего не захватил? — удивился вожатый.

Жихарев растерялся. О еде он как-то не подумал. И ничего не взял из одежды — на случай непогоды...

— Вот, — сказал Колобок. — И во всем ты так. Мы-то обойдемся — филин птичку или мышку всегда добудет, а я сам себе вечный питательный продукт...

— Как бы предупреждать надо!

— Отнюдь, — сказал Колобок. — Только так вас, людей, и учат. Будешь наперед соображать!

Костя догадался, что «отнюдь» — это наше

обычное «фиг тебе», только по-культурному, и сказал жалобно:

— А скатерти-самобранки тут не бывает?

— Скатерть-самобранка в сказках осталась, — вздохнул Колобок. — В мире былин ее нет, тут запросто можно с голоду окочуриться. Даже Илья, заточенный в княжеском погребе, чуть не помер. Жизнь в былинах, конечно, не совсем реальная, но достаточно суровая...

— Я маленько потерплю, — кротко сказал Жихарев.

— Ладно, не ной, — сказал Колобок. — Вот выйдем из леса, найду я тебе яблоньку...

— Яблоки осенью только, — сказал Костя.

— Нет, в былине, как и в сказке, раз уж растет яблоня — непременно усыпана она наливными яблочками, иногда золочеными... Хотя и тут можно пролететь. Земли еще порубежные, вдруг на молодильные сорта нарвемся, а ты пожадничает? Я не собираюсь потом твои пеленки стирать... Терпи! Не надо было с подковой баловаться — тут непременно сбывается всякая примета!

Примета, точно, сбывалась. Никогда в жизни Костя так не хотел есть, даже после самых тяжелых тренировок.

Он огляделся. Никаких тебе яблонек, одни цветы — громадные, тяжелые, как только на стеблях держатся? А небо по-прежнему голубое...

Нет, уже не совсем... Вот здесь голубизна переходит в синеву, а потом — да, в ночное небо с крупными звездами и месяцем! И профиль у этого месяца человеческий!

— Тут что... И Солнце, и Месяц сразу могут светить?

— Они еще и не то могут, — сказал Колобок. — Иди, иди — как потопаешь, так и полопаешь... Да ты отвлекись! Думай о чем-нибудь другом!

Костя шагал и сопел — не потому, что устал, а от досады на самого себя. Батя ведь учил его, как в поход собираться! Если в доме ничего нет — возьми хотя бы нож, соль и спички! Идешь на один день — бери припас на три! А в бабаниной избе было что захватить в дорогу! Уж она правнучка голодом не морила! У нее в погребе...

И Костя даже застонал от воспоминаний.

Но как-то пересилил себя, проглотил слюну и спросил:

— Колобочек, а былины — это такое как бы фэнтези? И почему они такие непонятные?

Не быль, но и не сказка

Нет, былины — не фэнтези. Ты ведь слышал такое выражение — «устное народное творчество», еще говорят — фольклор? То есть в народе

рождается былина от безымянного автора, передается из уст в уста, изменяется — когда слегка, когда капитально, и доживает (или, увы, не доживает) до того дня, когда появится ученый человек и запишет ее на бумагу, на магнитофонную ленту, на флеш-карту мобильного с диктофоном.

Былина, дожившая до записи, мало походит на ту, которая сложилась первоначально. Первый безымянный автор сочинил ее, может, еще при первобытно-общинном строе. А времена-то меняются! А порядок-то складывается иной! А власти и враги-то приходят новые! А слушатели-то разные, и всем надо угодить!

Как зачем угождать? Ведь сказителю как-то надо жить! Он не воин, не землепашец, не торговец, не рыбак, не скотовод. Все его богатство — хорошая память. Да еще талант, если повезет.

Меняются даже значения самих слов! В древние времена «рота» означала клятву, присягу: «дал он другу роту крепкую». Потом это значение утратилось, и очередной сказитель понял так, что богатырю придали целую роту воинов. Получилась бессмыслица. Ее тоже хватает: один неверно услышал, другой превратно истолковал, третий вообще все запутал...

Почему в былине слог такой чудной? Потому что их пели, нараспев читали — так было принято. И все эти «ой», «да», «тот», «-де», «ли» служат для

того, чтобы держать ритм повествования.

Почему в былине иные ударения кажутся нам неправильными, да еще меняются то и дело? Потому что русский язык гибок, а сказитель над языком волен, и подчиняется ударение размеру.

Почему в былине так много повторений? Да потому, что людям некуда было торопиться долгими зимними вечерами. Вот сейчас певцы на эстраде могут же по сто раз финальные слова повторять? И сказителю так легче — пока повторяет, следующие строки припоминаются.

Почему в былине много непонятных слов? Да потому что ты и не пытаешься их понять или, на худой конец, в словарь заглянуть, который во всяком сборнике былин непременно присутствует. Многие вроде бы знакомые слова, кстати, изменили свое значение. Например, «догадливый» означает — и знающий, и умеющий, все говорящий и делающий вовремя. Постарайся, помозгуешь — и сам «догадлив будешь».

Почему многие слова в былине записаны с ошибками, вроде как «по-олбански»? Потому что тот, кто записывал, хотел сохранить на бумаге произношение рассказчика. И всякий собиратель фольклора делал это на свой лад.

Когда былины начали записывать? В 1804 году, когда Саша Пушкин еще пешком под стол ходил, вышел из печати так называемый «Сборник

Кирши Данилова». К этой книге приложили руку многие: кто записывал, кто собирал рукописи, кто к печатному виду приводил — разделял на строчки, давал названия, разъяснял устаревшие даже к тому времени слова.

Тогда по всей Европе пошла мода на народное творчество. Тогда и знаменитые братья Гримм в Германии собирали свои сказки.

Сколько всего известно былин? Да тысячи. Люди, которых мы называем филологами, этнографами, фольклористами, добирались до самых отдаленных уголков России — туда, где былины все еще сохранялись и рассказывались.

А сохранялись они лучше всего там, куда русские люди уходили в поисках лучшей доли — на Севере, на Урале, в Сибири, в самых глухих углах европейской России, куда не добралась городская культура.

Былин тысячи, но часто рассказывают они об одном и том же событии или приключении. Потому что каждый первоначальный сюжет разделяется на множество вариантов, или, если сказать по-русски, «изводов», они же «разносказы»... Ремейк на ремейке! Один странник сложил и пропел, другой запомнил и что-то от себя добавил, третий пару географических названий заменил, чтобы показать — в наших местах это произошло! Каждому исполнителю хочется быть немножко автором!

И вот так столетиями изменялись да изменялись былины, пока не попали на бумагу, где и застыли, как насекомые в янтаре...

А еще былины назывались «старины», потому что рассказывали о деяниях прошлого... Куда это ты глядишь?

Первый встречный как первый блин — комом

— Там человек на коне! — радостно вскричал Костя. — Может, у него хавчика попросить?

И тут же устыдился — выходило, что он наставника не слушал, а только о жратве размышлял...

— Падай в траву! — скомандовал Колобок.

И Костя подчинился.

— Да не на меня! — прошипел Колобок.

Кузьме-Демьяну и горя мало — взлетел и скрылся в листве.

— Видишь всадника — спрячься, пусть мимо проедет, — учил Колобок. — Мало ли кем он окажется? Тем более фигура мне незнакомая... Точно, что не Илья Иванович... И у Алеши такого шлема сроду не было... Вот зараза — это Аника-воин! Как его сюда занесло?

— Он богатырь? — шепотом спросил Костя.